

СЕВЕР ЗОВЕТ!

РА С С К А З

ЭЛЛИС КОМИ

Гана

СЛОЖИЛ вещички и укатил на север не от отчаяния. Поступок мой был продиктован любовью к родине. В течение нескольких недель гигантские плакаты уличали меня в недостатке патриотизма. Черные и золотые буквы глядели на прохожих отовсюду. С тех пор как они появились на стенах, меня не покидало ощущение, что я в долгу перед страной.

С моим образованием ни в деловом мире, ни в политике карьеры не сделаешь. А за черную работу братья вроде обидно — четыре класса все же... Как я мечтал закончить начальную школу, потом среднюю, а потом даже поступить в колледж! Увы, все это было моей семье не по

карману. Мне всегда хотелось приносить пользу своей стране, но я не мог найти себе применения — во всяком случае до тех пор, пока не появились плакаты. «Молодежь, север зовет! — кричали они. — Вас ждут широкие перспективы, невиданные возможности, дерзновенные свершения». Плакаты украшала государственная эмблема, придававшая им особую вескость.

Поэтому меня так поразило, что все, с кем я ни пытался заговорить о плакатах, не принимали их всерьез. Уехать из столицы, от комфорта, от холодильников в богом забытую пустыню? Чего ради?

Я был возмущен всеобщим цинизмом. В лице своего младшего брата я нашел единомышленника. Верность возвышенным идеалам и привела нас в одно прекрасное утро на вокзал. Мы взяли билеты на ближайший поезд, совершив, таким образом, чрезвычайно важный шаг в жизни.

Естественно, мы оба волновались, и вид у меня, наверное, был довольно чудной, когда я попросил два билета до самого конца. Кассир недоуменно посмотрел на меня и улыбнулся.

— До самого конца? — переспросил он. — А где это?

— Разве вы не знаете? — удивился я.

— Есть несколько конечных станций. Вам которую?

— Я имею в виду конец северной линии.

Кассир поморщился:

— Это же на самой границе!

— Вот-вот, — обрадовался я, — два билета, пожалуйста.

Кассир отказывался верить своим ушам:

— Вы здоровы, мистер?

— Я-то здоров, а сами вы не того? Или не видели плакатов?! — И я в сердцах ткнул пальцем в сторону ближайшей стены.

— А, это... Ну-ну. Так, значит, до границы?

— Именно! Когда поезд?

Кассир протянул мне билеты и лениво указал на платформу:

— Вот он, через три минуты отходит. Поторапливайтесь.

Я схватил билеты и помчался к тому месту, где оставил брата.

— Что ты так долго? Скоро поезд? — В голосе его сквозила нерешительность.

Я строго посмотрел на него:

— Скорее, осталось три минуты.

Мы стрелой пронеслись по платформе и вскочили в вагон. Весь коридор был забит торговками. И откуда их столько, ведь понедельник не базарный день! Они рвались вперед, толкая своими корзинками пассажиров. Корзинки трещали и поскрипывали.

Мы продирались сквозь толпу потных женщин, с трудом прокладывая себе путь среди снопов сахарного тростника и еще бог знает каких тюков, как вдруг мой братец заявляет:

— Я никуда не еду!

Я резко повернулся, едва не сбив с ног пробиравшуюся за мной торговку:

очаг и поставила на огонь кофе. Потом твои ласковые руки разбудили меня. Твои ласковые руки дали мне умыться и накормили. Ласка. Ласка мамы. Любовь. Доброта. Почему эта ненависть? Почему эта смерть? Нежность, неиссякаемый источник радости. Ты открыла запор овчарни и выпустила овец. Они блея устремились наружу. Ринулись с голодухи к куче ясеневых листьев. С большим трудом мне удалось при помощи палки собрать их, чтобы вести на пастбище. А ты взяла кувшин, поставила его на голову и пошла за водой к ключу за несколько километров от дома.

ЗАБЫТЬ.

Я сидел на большом камне, чтобы лучше видеть овец. Время медленно пересыпало свои песчинки. Солнце было уже высоко и начало припекать мне спину через тонкую ветхую рубашку. Я встал и пошел в тень оливы. Вспорхнувшая куропатка заставила меня оглянуться.

По склону горы медленно спускался патруль. Солдаты шли цепью, с оружием в руках. Сердце у меня забилось, я с ужасом вспомнил те зверства, которые они творили во время предыдущих «прочесываний»: вспомнил изрешеченное пулями тело отца, кулаки сжались, я проклял этих посланцев дьявола. Они медленно двигались к нашей деревне, скоро они исчезли из вида, скрытые изгибом горы. Потом послышался далекий треск автомата, я вздрогнул: он доносился со стороны ключа. Мама! Меня как стукнуло. Я отшвырнул палку прочь и побежал.

Забыть.

Бешеный бег через заросли папоротника, колочий кустарник, исцарапанные, расширенные босые ноги, разбитые колени — все это уже не имело значения. В изодранной рубашке, с потным лицом, задыхающийся и окровавленный, прибежал я на то место...

Забыть.

Гнущееся к земле тело. Раздирающий тишину вопль. Расширившиеся глаза, которые

— Да ты что?

— Вот тебе и что! Расхотелось! Такая даль, кто знает, что нас там ждет!..

— Струсил! — Я вложил в это слово всю силу своего разочарования и презрения. — Не желаешь стать человеком и помочь родине! Где же твой хваленый патриотизм? Молчи, все ясно! Не едешь — так катись отсюда!

Но было поздно. Брат не успел протолкаться к выходу, как поезд уже набрал скорость. Надо было как-то устроиться. На счастье подвернулось почти свободное купе. В нем сидел пожилой мужчина в дорогом костюме — судя по всему, зажиточный фермер — и три женщины в ярких кенте. Мы с братом подвели к ним, и мужчина приветливо улыбнулся, радуясь обществу и предвкушая приятную беседу:

— Далеко едете?

— Дальше некуда! — горько сострил брат.

— К границе, — уточнил я.

Женщины, безучастно глядевшие в окно, теперь обернулись и уставились на нас. Мне стало не по себе. Можно подумать, что север — это другая планета!

— А вы куда путь держите? — поинтересовался я.

— Домой, на ферму. Сто шестьдесят миль отсюда. Это моя жена и дочери. Приезжали в столицу на праздники, недурно повеселились. — Женщины согласно закивали. — Как город-то изменился за десять лет! Прямо диву даешься. Сутолока, шум, гам. Все куда-то спешат, всем некуда! То ли дело раньше...

А впрочем, молчу, молчу! Уж эти старики, вечно чем-то недовольны!

Он замолчал и улыбнулся. Я улыбнулся ему в ответ.

— Значит, на север едете. Вы что же, родом оттуда?

— Нет, родились мы в столице, а на север едем, чтобы обрести цель в жизни и помочь родине.

— Это хорошо. Ну а знакомые у вас там есть?

— Нет, но это неважно. Все устроится.

— Смелые вы ребята, — задумчиво сказал фермер и поглядел на дочерей. — Мне бы таких парней в зятья, можно бы и умереть спокойно. Надолго ли меня хватит, а сыновей нет, на кого хозяйство оставить?.. Ох, опять ворчу...

Он умолк и отвернулся к окну.

Через шесть часов поезд прибыл на станцию, где сходил фермер с семьей. Обернувшись в дверях, он кивнул нам:

— Желаю успеха. Мне бы ваши годы!.. А в случае чего, решите вернуться — заезжайте к нам. Примем на славу! — И он захлопнул дверь.

— Давай останемся здесь, — оживился брат. — Старик отдаст за нас дочек, и ферма нам перейдет!

Я не удостоил его ответом, а про себя подумал, что, если сейчас смалодушничая, всю жизнь себя буду презирать.

— Ну же, — канючил брат, — решайся!

— Все решено, едем до конца. Плевать мне на ферму!

Брат зло буркнул что-то и насутился. Поезд отошел. До следующего утра, пока не приехали, мы оба не проронили ни слова.

Сдерживая нетерпение, я пропустил брата вперед, подал ему чемоданы и выпрыгнул из вагона.

— Смотри-ка, мы единственные пассажиры, — сказал брат.

— Не может быть!

— Сейчас убедись. И в вагонах никого!

— Ну и ладно, — крикнул я с напускной беспечностью. — Не робей, бери чемодан и идем!

Брат подхватил вещи и пошел вдоль поезда. Я оглянулся по сторонам. Вокруг действительно не было ни души. И тут брат окликнул меня. Я поднял чемодан и поспешил за ним. Брат стоял у высоченного дерева и хохотал как безумный:

— Так я и знал! Чувствовал, что здесь какой-то подвох. Смотри!

И я увидел висевший на дереве плакат, кое-как намалеванные черные буквы.

Официальной эмблемы на сей раз не было, но в словах звучала хорошо знакомая весомость.

— Ну и ну, — прошептал я. — Вот это да!

Брат что-то говорил о фермере, о его дочерях — я не слушал, я никак не мог оторваться от плаката:

«Молодежь, юг ждет вас! Торопитесь помочь стране!»

Перевел с английского

В. Рамзес

просят жизни. Руки, хватающиеся за воздух этой жизни, ускользающей капля за каплей.

Забывать.

Поднимается ненависть. Бессильное бешенство. Дикая крик летит в лицо палачам. В ответ, как издевка, угрожающий смех. Всем существом овладевает безумная жажда убить. Горе разрывает грудь. Изнеможение. Скорбь. Растет пустота, по телу, все затопляя, ползет ужас, пронзительная боль исторгает жалобные крики: мама. Мама. Тихо. Из сердца вырвали клок. Кувшин разбит, вода растеклась. Смерть. Мама моя. Кровь. Тоска. МАМА МОЯ.

Забывать.

Они убили маму. Убийцы. Свора убийц. Что вы наделали! Я бросился за колонной, которая пошла дальше. Я проклинал весь свет, богохульствовал. Я кричал, выл, плакал. Убийцы. Мучители... Один из них обернулся и захохотал. Один из них обернулся и пригрозил мне автоматом. Один из них обернулся и, ухмыляясь, выстрелил поверх моей головы. Я споткнулся о ка-

мень и разбил нос. Обернулись все остальные. ВСЕ остальные захлопали в ладоши. Все остальные засмеялись. Ни одному не было жалко меня. Ни один не протянул мне руку. Ни один. Как же мне теперь любить людей? Убийцы. Чтоб дьявол вас взял, чтобы смерть дохнула на вас своим чумным, зловонным дыханием, чтоб вас утащили под землю джинны, чтоб вас молния пронзила!..

Забывать.

Один негодяй, маленький, весь в прыщах, подошел ко мне и два раза хлестнул по щекам. Я плюнул ему в рожу и зубами вцепился в руку. Он избил меня и бросил в крови полуживого. Догнал своих, они продолжали смеяться. Потом они, распевая, направились к следующей деревне, к следующему убийству, к следующим преступлениям.

Забывать.

Перевел с французского

А. Карлов